

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ В 1918 ГОДУ

Е. Городецкий

В огромной литературе, посвящённой первой мировой войне, имеется немало монографий, научных и популярных статей, в которых даётся списание и анализ кампании 1918 года. Но среди множества военно-исторических и военно-оперативных исследований тщетно было бы искать специальных работ о Восточном фронте первой мировой войны.

В зарубежной исторической литературе довольно прочно укоренилась легенда о полной ликвидации Восточного фронта в 1918 году. По мнению сторонников этой легенды, Восточный фронт фактически перестал существовать после Октябрьской революции, а формально был ликвидирован договором в Брест-Литовске. Эта точка зрения выражена в английской пятитомной официальной истории первой мировой войны Джемса Эдмондса, в немецкой многотомной истории первой мировой войны, в исследовании французского историка Ларше, в военно-оперативных очерках Луазо, Корда и др.¹

Ни англо-американские, ни французские историки не уделяют внимания событиям, происходившим на Востоке в 1918 году. Наступление немцев на Востоке, начавшееся в феврале 1918 г., по мнению французского историка Биду, — лёгкая, увеселительная прогулка по территории России². По словам Биду, сопротивление советских войск было ничтожным; Германия и Австрия, оккупировав советскую территорию, «могли совершенно спокойно продолжать эксплуатацию захваченных ими районов»³.

Профессор Кембриджского университета У. Аллен в своей книге по истории Украины⁴ посвящает изрядное количество страниц деятельности украинских националистов. Он рассказывает об оккупации Украины немцами в 1918 г. и утверждает, что на Украине не только не было народной войны против оккупантов, но вообще отсутствовало какое-либо сопротивление немцам. Для того чтобы придать большую достоверность своей фальсификации, Аллен ссылается даже на документы, изданные в СССР, — «Крах германской оккупации на Украине». Великодушно соглашаясь, что в подлинности этих документов сомневаться не приходится, проф. Аллен уверяет, что среди них он не нашёл документов о борьбе с немцами на Украине в 1918 году⁵.

В английской исторической литературе — будь то монография Астона, популярный очерк о войне Флетчера или написанный проф. Гратуэллом учебник для Оксфордского университета — военное положение на Востоке в 1918 г. освещено по одинаковой схеме: Октябрьская революция закончилась изменой России союзникам, Брестский мир привёл к полной ликвидации Восточного фронта. В

¹ Egmonds J. «Military operations». London. 1937; «Der grosse Krieg 1914—1918», Leipzig; Larcher «Donnees statistiques concernant la guerre 1914—1918». Revue militaire française, № 140, 1933; Луазо «Германская стратегия в 1918 г.». М. 1936; Корда «Мировая война». М. 1924.

² Bidou H. «Histoire de la grande guerre», p. 551. Paris. 1936.

³ Ibidem.

⁴ Allen W. E. D. «The Ukraine. A history». Cambridge University press. 1941.

⁵ Ibidem, p. 335. Профессор Аллен называет почему-то это издание анонимным, хотя в книге указаны не только фамилии составителя, но и переводчиков немецких документов.

1918 г. исход войны был найден не только на важнейшем, но и на единственном фронте — Западном. Между тем, по словам того же проф. Гратуэлла, заключение мира на Востоке для немцев «было единственным условием решительной весенней победы на Западе»⁶. Гратуэлл даже не затрудняет себя ответом на вопрос, обеспечил ли мир на Востоке условия победы немцев на Западе. Он, как и другие историки, считает это само собой разумеющимся.

Игнорирование роли Восточного фронта уже в 1918 г. являлось серьёзнейшим препятствием в деле правильного понимания хода мировой войны на заключительном её этапе. Союзники, исходя из признания, что Германия ведёт войну на одном Западном фронте, не предвидели возможности завершения войны и достижения победы в 1918 г. и предполагали вести операции ещё и в 1919 году. Существовала ли в лагере союзников какая-нибудь надежда добиться успешной развязки в 1918 г., задаёт вопрос Ллойд-Джордж и отвечает: «В то время я не встречал ни одного военного или штатского, который верил бы в эту возможность»⁷. Союзники строили свой план кампании 1918 г. на медленном истощении германских резервов последующим переходом сил Антанты в решительное наступление в 1919 году.

Правда, некоторые военные историки ближе других подошли если не к решению, то к правильной постановке вопроса о значении двух фронтов в первой мировой войне. Так, например, французский историк Ларше пишет: «Известно, что главной трудностью, с которой столкнулась немецкая стратегия с 1914 по 1918 гг., была необходимость вести войну на два фронта равной значимости — Западный и Восточный»⁸.

Ларше очень близок к истине именно потому, что признал решающим фактором, определившим трудности для Германии в войне 1914—1918 гг., существование двух важнейших фронтов — Западного и Восточного. Но в своих конкретных исследованиях Ларше, как и другие буржуазные историки и военные специалисты, отходит от этой точки зрения и заявляет, что Восточный фронт в 1918 г. не играл и не мог играть сколько-нибудь значительной роли.

В немецкой исторической литературе и в немецких документальных изданиях мы тоже почти не находим упоминаний о сражениях на Восточном фронте в 1918 году. Это объясняется исключительной секретностью, строгой тайной, которыми окружались все военные события 1918 г. на Востоке.

Сами германские военные историки позднее ставили вопрос о резком несоответствии немецких планов наступления на Западе и фактической концентрацией или, вернее, распылением военных сил в 1918 году. Генерал Куль по поводу подготовки весной 1918 г. большого наступления заявлял, что это наступление не могло рассчитывать на успех без ясности обстановки на Восточном фронте⁹. «Основной вопрос,— писал он,— заключается в том, не задалось ли наше командование слишком широкими задачами на востоке? Не произошло ли перенапряжение наших сил, повредившее сосредоточению всех имеющихся войск на Западном театре для большего наступления 1918 года?»¹⁰. Пытаясь оправдать действия германского командования «экономическими» и «военно-политическими причинами» (хлеб и опасность большевизма), Куль отвечал на эти вопросы отрицательно. Но всё же и он указывал «на вред, вызванный тем, что Россию не удалось совершенно исключить из участия в войне»¹¹.

⁶ Gratwell С. М. F. «A history of the Great war 1914—1918», p. 478. Oxford. 1934.

⁷ Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Т. V, стр. 253. М. 1938.

⁸ Lagher. Op. cit., p. 193.

⁹ Куль и Дельбрюк «Крушение германских наступательных операций в 1918 году», стр. 36. М. 1935.

¹⁰ Там же, стр. 52.

¹¹ Там же, стр. 53.

Он вынужден был признать, что Брестский мир не привёл к ликвидации Восточного фронта. «Фактически мир был только перемирием, — писал фон Куль. — Советское правительство было не временным, а постоянным нашим врагом»¹². Такое же признание условного характера Брестского мира и неудачи попыток ликвидации Восточного фронта мы находим и у Гофмана¹³.

Военная политика Людендорфа на Востоке подвергалась впоследствии резкой критике в Германии именно потому, что она не обеспечила ликвидации Восточного фронта. По словам Куля, в Германии были осторожные люди, предлагавшие организовать оборону по линии Ковно — Брест — Луцк и не выходить за эту линию. Этим они рассчитывали добиться освобождения достаточного количества сил и «достигнуть решения войны на Западе»¹⁴. Сам Куль не разделял этой точки зрения, указывая, что такое решение привело бы к усилению русской армии.

Таким образом, для германской военщины вопрос о соотношении Западного и Восточного фронтов оставался трагически непонятным. Поход на Восток был затеян во имя будущей победы на Западе. Но германский генералитет был далёк от понимания того, что поход на Восток приведёт Германию к необходимости продолжения войны на два фронта.

В марте 1918 г. уполномоченный германского верховного командования на Украине полковник Штольценберг писал: «На Западе нам предстоят самые тяжёлые, решительные бои, поэтому здесь сейчас (на Востоке, — Е. Г.) не следует считаться с дипломатическими соображениями... Если иначе невозможно, то мы должны взять силой то, что нам срочно необходимо для жизни и борьбы»¹⁵.

Штольценбергу, как и Людендорфу, Гофману и др., было невдомёк, что применение силы на Востоке означало разделение германских сил, продолжение войны на два фронта, которое в конечном счёте и предопределило крах германской империи в первой мировой войне.

«Силы, которые мы оставляли на Востоке, — писал Людендорф, — были, конечно, ещё слишком велики. Но приобретённый нами там мир пока что имел весьма вооружённый характер, и в связи с ним нам ещё предстояло пережить много критических моментов»¹⁶. И хотя Людендорф тщательно обходит вопрос о числе дивизий, оставленных на Восточном фронте, он вынужден признать, что «бесконечные пространства Восточного фронта, которые нельзя и сравнивать с нашими расстояниями, требовали известного (?) количества войск»¹⁷.

Начало научному изучению положения на Восточном фронте в 1918 г. было положено изданием в Советском Союзе ряда документальных сборников. В 1936 г. был издан сборник документов «Крах германской оккупации на Украине». В этом сборнике опубликованы подлинные документы германского командования и переписка министров иностранных дел Берлина и Вены с послами в Киеве¹⁸. В последующие годы были изданы сборники документов, освещающих поло-

¹² Куль и Дельбрюк «Крушение германских наступательных операций в 1918 году», стр. 54.

¹³ Гофман «Война упущенных возможностей», стр. 140. М.-Л. 1925.

¹⁴ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 56.

¹⁵ «Крах германской оккупации на Украине» (по документам оккупантов); подгот. к печати Е. Городецким, стр. 25. М. 1936.

¹⁶ Людендорф «Мои воспоминания о войне 1914—1918». Т. II, стр. 1—144. Пгтр. 1924.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Опубликование этих документов разоблечило не только германское военное командование и правительство, но и немецкую историографию, которая упорно замалчивала военные и политические события на Востоке в 1918 году.

жение на отдельных участках Восточного фронта в 1918 г. и «малую войну» в тылу германских войск. Наиболее ценные из этих локальных сборников — «Крах германской оккупации на Псковщине», «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.», «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г.». Материалы, относящиеся к Белоруссии и Прибалтике в период 1918 г., были опубликованы в книге «Документы по истории гражданской войны в СССР» (т. I.) и в журнале «Красный архив» (тт. 91, 102, 103).

В советской историографии вопрос о борьбе с немцами на советской территории, оккупированной германской армией, исследовался в ряде статей и брошюр. Однако важнейшие вопросы борьбы Советской России с Германией авторы этих статей (Гуковский, Марков, Кадичев, Шекун, Жибарев, Хачапуридзе) рассматривали несколько изолированно от хода первой мировой войны. В недавно вышедшей книге В. Нотовича «Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914 — 1918 гг.» автор искусственно исключает из своего исследования события 1918 г., завершая анализ захватнической политики немцев Брестским миром. Советские историки как бы молчаливо соглашались с тем, что Брестским договором Восточный фронт был если не полностью ликвидирован, то превращён в «захолустную провинцию» мировой войны.

В статьях автора этих строк о борьбе с германскими оккупантами на Украине, в статье О. Шекун, П. Жибарева о борьбе с немцами в Белоруссии, Г. Хачапуридзе — о борьбе с немецкими оккупантами в Грузии раскрывается главным образом внутренняя история Украины, Белоруссии, Грузии в период германской оккупации, анализируются партизанское, повстанческое движение и стачечная борьба. Однако во всех этих работах военно-политические события на Востоке не рассматриваются как важнейший фактор, оказывавший огромное влияние на ход и исход первой мировой войны.

Некоторой односторонностью страдают также и труды советских историков, посвящённые кампании 1918 г. первой мировой войны. В трудах Зайончковского, Таленского и других рассматриваются главным образом события, развернувшиеся в 1918 г. на Западном театре мировой войны. Восточный фронт или совершенно исключается из описания и не принимается в расчёт при анализе событий, или авторы ограничиваются беглым упоминанием о том, что на Востоке всё ещё продолжались военные операции, и общим признанием значения этих операций. Главный недостаток перечисленных работ заключается в том, что кампания 1918 г. в ходе мировой войны не рассматривается в них в аспекте существования двух фронтов — Восточного и Западного.

Ленин всегда указывал на определённую взаимосвязь между ходом событий на Западном фронте и борьбой советского народа с германской армией на Востоке. Эту связь он видел не только в военных действиях, но и в политических процессах, ускоривших военное поражение германской армии. «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии, — писал Ленин. — Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в начительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует»¹⁹.

Товарищ Сталин весной 1918 г., вскоре после подписания Брестского мира, подчёркивал, что на Востоке германский империализм продолжает войну.

Говоря об отказе генерала Гофмана принять делегацию украинского советского правительства, товарищ Сталин писал в марте 1918 г.: «Не мир, а война против Советской Украины, — таков смысл ответа

¹⁹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 197.

Гофмана». В этой же статье товарищ Сталин подчёркивает: «Украина должна быть форменным образом завоёвана для того, чтобы получить немцам хлеб и посадить на трон Петлюру — Винниченко»²⁰.

В работах Сталина мы находим совершенно определённую постановку вопроса о необходимости для Германии вести войну на два фронта в течение всей войны 1914 — 1918 годов. «В первую мировую войну Германии пришлось воевать на два фронта, на Западе, главным образом против Англии и Франции, и на Востоке — против русских войск. Стало быть, в первую мировую войну существовал второй фронт против Германии»²¹.

Товарищ Сталин не выделяет какие-либо отдельные периоды первой мировой войны, когда Германия вынуждена была воевать на два фронта. Из слов товарища Сталина ясно, что в течение всей первой мировой войны Германия воевала на Западе и на Востоке.

В исторической статье «Украинский узел» товарищ Сталин характеризовал борьбу украинского народа против германских оккупантов как отечественную войну против захватчиков, несущих иноземное иго и кабалу советскому народу. Он заявил, что Украина имеет все шансы рассчитывать на всемерную поддержку со стороны всей Советской России. Украина, Белоруссия, народы Кавказа и Прибалтики получили эту помощь великого русского народа.

Ослеплённые страхом перед социалистической революцией в России, американские и англо-французские империалисты не хотели видеть, что Великая Октябрьская революция заложила основы новых, вооружённых сил. Столкнувшись с хищным германским империализмом, советская власть на Украине, Белоруссии, Кавказе стала воссоздавать Восточный фронт против германского империализма, фронт, который в силу своего особого, революционного характера и союза германских империалистов с различного рода националистами больше походил на внутренний фронт гражданской войны, чем на фронт застывший или подвижный, сложившийся в сражениях первых трёх лет войны.

Рассмотрим основные этапы борьбы на Восточном фронте в 1918 году.

18 февраля на огромном фронте — от Балтийского до Чёрного моря — германские армии пришли в движение.

Какими силами наступала германская армия в это время? По немецким данным, к середине марта 1918 г. на Восточном фронте находились 53 германских дивизии и 13 бригад. Это составляло 1 004 455 солдат и более 40 тыс. офицеров²². Сюда нужно добавить ещё австрийские дивизии, которых, по данным Ларше, в марте 1918 г. только на русском участке Восточного фронта (без Балкан и Румынии) было 26, численностью более 250 тыс. солдат²³. Таким образом, центральные державы в момент подготовки и осуществления решающих наступательных операций на Западе вынуждены были держать на русском фронте около 1300 тыс. солдат и офицеров.

Начав наступление в феврале 1918 г., германское командование на левом, северном фланге своего фронта имело целью захват Петрограда. Концентрическим наступлением с северо-запада и юга немцы предполагали в короткий срок овладеть столицей Советской России. Удары должны были быть нанесены на Псковском и Нарвском направлениях. В центре, по плану Людендорфа, германские войска должны были вый-

²⁰ И. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 45—47.

²¹ И. Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 67—68.

²² Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 24. Из числа 53, по данным Куля, четыре дивизии находились в Румынии.

²³ Larcher. Op. cit., p. 198, tab. № 2.

ти на линию Витебск—Могилёв—Гомель с целью развить наступление на Брянском направлении и обеспечить прорыв к Москве. На правом, южном фланге своего фронта немцы наступали на Киев, имея целью дальнейшее продвижение на Харьков и захват Донецкого бассейна. На Одесском направлении действовали австро-венгерские войска, получившие задачу дальнейшего продвижения на Екатеринослав. Немцы оставили за собой привилегию захвата Крымского полуострова.

Таков был план. Как видно из предыдущего, германское командование поставило перед собой не только задачу оккупации Прибалтики, Белоруссии, Украины и Крыма, но и более существенную задачу — захват двух русских столиц, свержение советской власти и полное сокрушение Восточного фронта как необходимых предпосылок свободы действий на Западном фронте.

Обычное, широко распространённое в западноевропейской литературе представление о наступлении германских армий в феврале — марте сводится к тому, что это наступление не встретило сколько-нибудь серьёзного отпора, каких-либо трудностей.

Наиболее ясно и определённно точка зрения германской военщины выражена в воспоминаниях Людендорфа: «Наступавшие германские войска, состоявшие большей частью из ландвера, в удивительно короткий срок заняли Нарву, Псков, Полоцк, Оршу и Могилёв. Русские не оказали никакого сопротивления»²⁴.

Говоря об операциях на Украине, Людендорф продолжает в том же духе: «Наступление на Украине также пошло быстрым темпом. Центр тяжести германского наступления был направлен на Киев, и 11-го марта последний был уже занят нами... Операции развивались вдоль железных дорог; иногда происходили бои между броневыми поездами; в общем огромное пространство должно было быть пройдено слабыми силами. Большевицкие войска оказывали лишь незначительное сопротивление»²⁵.

Картина, нарисованная Людендорфом, свидетельствует о чванливости и высокомерии прусского юнкера и не имеет ничего общего с исторической действительностью.

Драматизм обстановки для молодой Советской республики заключался в том, что в стране не было вполне организованной военной силы, способной остановить и разгромить немцев. Характер военных операций на первом этапе немецкого наступления определялся следующими обстоятельствами: во-первых, главный удар приняли на себя наспех сформированные отряды Красной Армии, не имевшие ещё опыта ведения крупных операций; во-вторых, против наступающих немцев выступили сохранившие организованность и дисциплину воинские формирования старой армии, часть которых во второй половине февраля двинулась на Восток, пробивая себе дорогу сквозь линию наступавших немецких войск; в-третьих, в тылу наступающих германских войск развернулась «малая война» многочисленных партизанских отрядов и, наконец, последнее — дезорганизованные, стихийно демобилизовавшиеся части старой армии своим поспешным отступлением, паническим бегством затрудняли борьбу здоровых, сохранивших дисциплину частей с наступающим противником.

Людендорф был твёрдо убеждён, что февральское наступление — молниеносное и решительное — должно будет привести к полному разгрому Советской республики и созданию в Петрограде вассального правительства.

Немцы предполагали, что наступление приведёт к быстрому развалу советского правительства и всего государственного аппарата, соз-

²⁴ Людендорф. Указ. соч. Т. II, стр. 136.

²⁵ Там же, стр. 137.

данного социалистической революцией. И они, конечно, не допускали возможности, что советское правительство сумеет организовать сколько-нибудь серьёзное военное сопротивление. Ограниченный прусский юнкер Людendorф не принимал в расчёт того, что вооружённые силы молодой Советской республики могут родиться в огне народной борьбы с захватчиками, в ходе этой борьбы. Профессионалу — военному прусской школы — было недоступно понимание революционных источников образования армии нового типа, армии народной, прямо и непосредственно выражающей и защищающей интересы народа. Тем более ему было чуждо понимание особых свойств революционной энергии, способной творить чудеса, когда энтузиазм масс направляется и оформляется гением революционных вождей.

В первый же день немецкого наступления Ленин и Сталин в обстановке паники и неразберихи, царивших в штабах старой армии, стали спокойно наводить порядок, организовывать планомерный отход войск и готовить силы для отпора врагу. 18 февраля, за несколько часов до начала немецкого наступления, Ленин и Сталин связались по прямому проводу с Двинским советом: «Сию минуту Главковерх послал телеграмму, что нужно отступать, уничтожая всё за собой. Двинск придётся оставить... Примите меры к установлению связи во время отступления. Поставьте аппараты Юза в вагон, а также комплект юзистов и опытного механика. Передайте комиссариату, чтобы перед отступлением всё уничтожалось. Примите также меры к возможности в последний момент вывезти организации, так как задача немцев, надо полагать, — вылавливать революционные центры»²⁶. Из Двинска спросили, как поступать с мостами при отступлении, на что из Петрограда последовал ответ Ленина и Сталина: «Конечно, взрывать!»²⁷.

В тот же день Ленин и Сталин направили директиву Петербургскому комитету большевиков: «Не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих, чтобы согласно решения Петербургского Совета, имеющего быть принятым сегодня вечером, организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию под контролем рабочих на рытьё окопов под Петербургом. Теперь, когда революция находится в опасности, только в этом спасение революции»²⁸.

Вечером 21 февраля 1918 года состоялось заседание Петроградского совета. Совет одобрил телеграмму Совнаркома от 19 февраля о согласии подписать мирный договор. «Вместе с тем, — гласило постановление Совета, — при наличии явных намерений германского империализма отвергнуть мир при всяких условиях и решительно подавить рабочую и крестьянскую власть и революцию, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов призывает рабочий класс и гарнизон Петрограда немедленно встать на защиту социалистической России и её революционной столицы»²⁹.

На этом же заседании был создан Комитет революционной обороны Петрограда.

В телеграмме советскому правительству Украины Сталин изложил точку зрения Совнаркома по вопросу о задачах борьбы с иноземными захватчиками: «Совнарком решил организовать отпор от Питера, мобилизовать всё рабочее население... Общее мнение товарищей таково, что вы, киевляне, обязаны, не теряя ни одной минуты, организовать такой же отпор от Киева с запада, мобилизовать всё жизнеспособное, выставить артиллерию, рыть окопы, погнать буржуазию под контролем рабочих на окопные работы, объявить осадное положение и действовать по всем

²⁶ Ленинский сборник XXXIV, стр. 17—18.

²⁷ Там же.

²⁸ И. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 38.

²⁹ «Организация Красной Армии», стр. 59. М. 1943.

правилам строгости. Общее задание — отстоять Петроград и Киев, задержать банды германцев во что бы то ни стало»³⁰.

Для Ленина и Сталина уже в первые дни германского наступления был ясен немецкий план захвата Петрограда и Киева. В воззвании Совнаркома 21 февраля Ленин подчёркивал: «Германские генералы хотят устанавить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве»³¹. В тот же день товарищ Сталин в телеграмме, посланной в Киев, писал: «Для нас нет сомнения, что немецкие банды хотят прогуляться от Питера до Киева и там, только там, в этих столицах, заговорить о мирных переговорах»³².

Начиная с 18 февраля 1918 г. на Восточном фронте развернулась длительная, кровопролитная битва, продолжавшаяся до середины мая. Это была длинная цепь сражений, в которые поневоле втягивалась германская армия, всё более и более обнаруживая свою неспособность разгромить Советскую республику. В этих сражениях, которым в исследованиях, посвящённых первой мировой войне, западноевропейская и американская историография не уделяют даже двух строк, в значительной степени был предопределён весь дальнейший ход кампании 1918 г. на Восточном фронте.

Первая неделя немецкого наступления обнаружила сильные и слабые стороны нового советского государственного аппарата. «Неделя 18 — 24 февраля 1918 года, — писал Ленин, — от взятия Двинска до взятия (отбитого потом назад) Пскова, неделя военного наступления империалистской Германии на Советскую социалистическую республику, явилось горьким, обидным, тяжёлым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком»³³. Урок этот заключался в том, что полностью выявилась вся никчёмность, бессодержательность и глубочайшая вредность «левой» фразеологии о революционной войне без революционной армии. Полностью вскрылась неспособность старой русской армии сражаться против врага, хотя отдельные части старой армии стойко и мужественно держались и сдерживали натиск немцев. Вместе с тем эта неделя показала, какой могучей силой является вновь создаваемая Советская Армия. В этой же статье Ленин писал: «Пережитая неделя подняла русскую революцию на неизмеримо более высокую ступень всемирно-исторического развития. История шагнула вперёд, за эти дни, на несколько ступенек вверх сразу»³⁴.

Развал старой армии и отсутствие новой были главными факторами, определившими позицию Ленина по вопросу о мире. Идея на заключение мира с немцами, Ленин рассматривал этот мир не только как завоевание возможности для укрепления советского государства и переустройства хозяйства, но и как средство подготовки для «серьёзной», «деловой» войны с германскими империалистами. Ленин и Сталин определили эту войну против иноземных захватчиков как отечественную, которая, «приняв затяжной характер, превратится, наконец, в войну всего честного и благородного в России против нового ига с Запада»³⁵.

Воззвание Совнаркома 21 февраля и воззвания советских организаций Украины, Белоруссии, Прибалтики призвали советский народ к организации партизанских отрядов³⁶.

Постановлением украинского советского правительства от 14 марта территория Полтавской, Черниговской, Херсонской губерний была объявлена на военном положении. «Признать священной обязанностью каж-

³⁰ И. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 39—40.

³¹ Ленин. «Из эпохи гражданской войны», стр. 29. М. 1934.

³² И. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 40.

³³ Ленин Соч. Т. XXII, стр. 291.

³⁴ Там же, стр. 292.

³⁵ И. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 47.

³⁶ См. Воззвание Совнаркома Донецко-Криворожской республики советов Одессы, Харькова и др. «Документы», стр. 33—34, 36, 56.

дого гражданина защищать против наступающих контрреволюционных банд завоевания революции»³⁷, — говорилось в постановлении.

Таким образом, в первые же недели германского нашествия 1918 г. народ был призван к освободительной войне, к организации повстанческой, партизанской борьбы. Этот призыв приобрёл огромную силу именно потому, что в это время на Украине и в Белоруссии уже поднялось могучее народное, партизанское движение.

Ещё накануне октября 1917 г. в крупных городах Украины и Белоруссии были созданы многочисленные отряды Красной Гвардии. Демобилизация армии привела к усиленному вооружению населения деревни. Сотни тысяч демобилизуемых, но не сдавших оружия солдат направились в тыл: одни из них оседали в деревнях, другие оставляли в сёлах оружие, а сами двигались дальше. Таким образом, к моменту начала оккупации на Украине и в Белоруссии не было регулярной армии, но был вооружённый народ, выступивший на защиту советской власти, завоеваний социалистической революции.

Общая обстановка, создававшаяся на Украине и в Белоруссии в первые дни германской оккупации, заставляла крестьянские массы браться за оружие. Заявление Гомельского совета в марте 1918 г. с потрясающей силой рисует эту обстановку: «Озлобление населения, в особенности крестьян, растёт с каждым часом и в последнее время стало выливаться в неорганизованную партизанскую борьбу с насильниками и грабителями... Во всех концах нашего уезда, даже в самых глухих, идёт организация партизанских отрядов. Без руководителей, без средств, без оружия, охваченные безумной жаждой мести ненавистному врагу революции и свободы, собираются они в отдельные отряды, часто даже не связанные между собой, и если их предоставить самим себе, они обречены на гибель»³⁸. В этом документе Гомельский совет заявил, что он берёт на себя руководство партизанским движением в уезде, чтобы придать движению «планомерность и стройность»³⁹: «Знайте, немецкой банде нами объявлена беспощадная война, и мы не сложим оружия до тех пор, пока в наших рядах будет хоть один человек, способный владеть винтовкой»⁴⁰. К этому объявлению войны отдельными уездами Украины и Белоруссии немцы отнеслись иронически. Но вскоре выяснилось, что для немцев это была война не менее изнурительная, чем операции на Западном фронте.

Уже на этом этапе на Украине и в Белоруссии тяжёлая, кровопролитная борьба отступавших советских войск с немцами и начавшееся партизанское и повстанческое движение сливаются в единый поток. 23 февраля командующий Западным фронтом А. Ф. Мясников приказал отрядам советских войск, оставшимся в тылу у немцев, действовать согласно «правилам малой войны»⁴¹.

Через несколько дней после начала немецкого наступления были получены сведения о развернувшейся партизанской войне в тылу немецкой группировки, занявшей Минск. В телеграмме, посланной 27 февраля из штаба советского Западного фронта, говорилось: «В партизанской войне с нашей стороны участвуют отряды красногвардейцев и солдат, оставшихся у немцев после захвата Минска. Им оказывают деятельную поддержку местные крестьяне, дающие им приют и служащие им проводниками. Партизаны обезоруживают части немецких войск»⁴². В многочисленных инструкциях и приказах партизанских штабов детально разрабатывались правила повстанческой борьбы в тылу оккупантов.

³⁷ «Донецкий пролетарий», особый выпуск 18 марта 1918 г. Харьков.

³⁸ «Организация Красной Армии», стр. 137—138.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Документы по истории гражданской войны». Т. I, стр. 121.

⁴² «Организация Красной Армии», стр. 118—119.

Между тем и после 24 февраля продолжали поступать сведения о расширяющемся наступлении немцев. Но в эти дни меняется общая картина сопротивления немецкому нашествию. «Революционный подъём, вызванный предательским набегом германских белогвардейцев на русскую революцию, налицо, — писал Ленин 1 марта. — Отовсюду идут телеграммы о готовности стать на защиту Советской власти и сражаться до последнего человека... Под ударом неприятеля наша армия переживает самым коренным образом»⁴³, — писал он дальше и указывал, что Красная Армия — «безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный»⁴⁴.

В ночь на 27 февраля из Киева в Петроград была послана телеграмма с характеристикой военного положения: «Движение германцев задерживается с боем нашими войсками, сосредоточивающимися в Киеве... Здесь сейчас нами отдано распоряжение о встречном наступлении из Житомира. Гайдамацкие и германские части встречаются на Бердичев — Казатин. Наши отряды социалистической армии в трёхдневном сражении три раза разбили офицерские отряды противника и затем сосредоточились за Казатином на Киев»⁴⁵.

В этой же телеграмме говорилось: «По всей Украине мобилизуются социалистические отряды, идущие на Киев, Полтаву, Кременчуг, Конотоп, Харьков, Екатеринослав и другие города и уезды. В Киеве осадное положение и успешная запись в социалистические отряды. Организован штаб. Ведётся спешно выделение боеспособных элементов из отступающих фронтовых частей»⁴⁶.

Именно в это время немцы, продвинувшись из Шепетовки на Житомир и Бердичев, получили сокрушительный удар с тыла от частей старой русской армии⁴⁷. В Ровно продвигавшаяся на восток русская кавалерийская дивизия разбила немецкие войска, захватившие город. В ходе этих сражений выделялись боеспособные, верные народу части старой армии, вливавшиеся в Красную Армию.

Спротивление немцам усилилось в районах Северной Украины и Восточной Белоруссии. Совместно с советскими отрядами против немцев дрались чехословацкие части. «В районе Бахмача, на киевском направлении, наши части совместно с чехословаками продвинулись вперёд и заняли станцию Плиска»⁴⁸, — говорится в сводке. Участие чехословаков в боях против немцев признаёт и Людендорф, причём отмечает их высокую боеспособность.

Важнейшими событиями на северном фланге Восточного фронта во время февральского наступления немцев были сражения за Псков и Нарву. Здесь решалась судьба Петрограда.

В известном приказе командующего псковских отрядов, написанном 19 марта, спустя месяц после начала немецкого наступления, излагалась краткая история формирования этих отрядов и подчёркивалось, что сражение под Черняковицами и Яхновом «показало немцам, что кончилось их триумфальное шествие»⁴⁹. Командование псковских отрядов с полным правом заявляло, что «оценка той роли, которую играло оказанное нами (псковскими отрядами) сопротивление, в судьбах республики принадлежит истории»⁵⁰. История по достоинству оценила героическое сопротивление отрядов Красной Армии немецкому нашествию

⁴³ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 304.

⁴⁴ Там же, стр. 305.

⁴⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 130, сл. 12, л. № 280, л. 6—7.

⁴⁶ Там же, л. 7—8.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, л. № 13, л. 60.

⁴⁹ «Крах германской оккупации на Псковщине», стр. 107.

⁵⁰ Там же.

на Петроград. Это сопротивление сорвало германские планы захвата столицы и дальнейшее немецкое наступление в глубь страны. Двадцать лет спустя товарищ Сталин в «Кратком курсе истории ВКП(б)» отметил историческое значение сражения под Псковом и Нарвой.

Стойкость и мужество советских отрядов при отражении немецких атак под Псковом вынужден был признать представитель французской военной миссии лейтенант де Люберсак. В начале марта он сообщал французской военной миссии о положении на фронте под Псковом: «Сопротивление организуется очень хорошо, противник поставлен в тяжёлое положение, железная дорога Псков—Рига опасна противнику. Отступление противника от Пскова возможно... Прошу Вашего ходатайства представить к французской награде некоторых офицеров и солдат. Охота к работе и мужество поразительны. Люберсак»⁵¹.

С Западного фронта 8 марта сообщали: «Несмотря на заключение мира, боевые действия на участке Гомель—Новозыбков не прекращаются. Революционные войска перешли в наступление и коротким ударом заняли ст. Добруш... Конотоп и Бахмач в наших руках... Немцы группируются в районе Сновска. В связи с успехами советских отрядов паника улеглась, эвакуация интендантских грузов вглубь идёт спокойно и продуктивно»⁵². Значение этих событий подчёркивал товарищ Сталин в статье «Украинский узел»: «Формирование крестьянской Красной Армии, мобилизация рабочей Красной гвардии, ряд удачных стычек с «цивилизованными» насильниками после первых вспышек паники, отобрание Бахмача, Конотопа, Нежина и подход к Киеву, всё усиливающийся энтузиазм масс, тысячами идущих на бой с поработителями,— вот чем отвечает народная Украина на нашествие насильников»⁵³.

В середине марта, как об этом свидетельствуют данные разведки советских войск в Белоруссии, германское командование вынуждено было начать перегруппировку своих ударных групп, наступавших на Восток⁵⁴.

22 марта военный бюллетень Западного фронта отмечал успешное контрнаступление советских частей на ряде участков: «На Роменском направлении они к вечеру 20 марта отбросили противника на линию от ст. Талалаевка до деревни Большие Бубны, расположенной в 25 верстах к северо-западу от г. Ромны. На Лохвицком направлении противник отеснён до деревни Черпухи, лежащей в 35 верстах к западу от Лохвицы. На Цувенском направлении немцы принуждены были отступить до реки Сулы, за линию деревень Пески — Засулье — Солоница, под Лубнами»⁵⁵.

Как далека эта картина от той, которую рисовали хвастливые заявления Людендорфа, и как далеко не похож был поход немцев на Украину и Белоруссию на ту «увеселительную прогулку», о которой писали Ларше, Биду и др. Советское государство под руководством Ленина и Сталина оказало помощь народам Украины и Белоруссии, поднявшимся на отечественную войну против германских захватчиков и этим самым создавшим новый, революционный Восточный фронт против немцев.

Между тем именно в это время, весной 1918 г., в обстановке затянувшихся сражений на Востоке германское командование готовилось нанести последний удар по Антанте. По заявлению Людендорфа, предстояли решающие сражения, для которых необходимо было собрать все силы германской армии на Западе. Эта концентрация была возможна

⁵¹ Центральный архив Красной Армии (ЦАКА), фонд 7150, сек. 1, д. 1 инв. № 6—076, л. 56.

⁵² «Организация Красной Армии», стр. 129.

⁵³ И. В. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 46—47.

⁵⁴ «Красный архив». Т. 6 (91). 1938, стр. 99.

⁵⁵ «Документы...», стр. 38.

и осуществима при условии борьбы Германии только на одном Западном фронте.

Ещё 13 февраля в Гомбурге, на совещании, созванном для обсуждения военного положения, Людендорф заявил, что решающее наступление на Западном фронте не может иметь успеха, если не будет ликвидирован Восточный фронт. «Нанесение решительного удара на Западе, — говорил Людендорф, — представляется самой огромной военной задачей, которая когда-либо была поставлена какой-нибудь армии... Эта задача будет разрешена успешно лишь в том случае, если военное руководство будет освобождено от всех невыносимо связывающих его оков, если к решительному моменту на Запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать»⁵⁶.

Вся противоречивость положения Германии весной 1918 г., противоречивость тактики германского командования проявились в этом выступлении Людендорфа, который свои заявления о необходимости ликвидации Восточного фронта закончил знаменательной фразой о том, что толчок к подъёму бойцов на западе «должна дать энергия действий на Востоке»⁵⁷.

Как можно было сконцентрировать на Западе «всё», начав в то же время наступление на Востоке? Людендорф всецело был в плену своего убеждения, что наступление на Востоке будет лёгкой прогулкой, не отнимет ни сил, ни времени. Он не понимал неизбежной взаимозависимости событий на Востоке и Западе и всей порочности немецких военных расчётов на быструю ликвидацию советской власти и Восточного фронта. Военный просчёт германского командования был простым результатом политического просчёта.

Ход событий на Востоке, вопреки укоренившимся в буржуазной историографии представлениям, очень скоро вынудил представителей германского командования поставить вопрос как о расширении военных операций на Востоке вообще, так и о переброске части сил с Запада на Восток.

В первые же две недели после начала февральского наступления германское командование было поставлено перед необходимостью усилить свои войска на Восточном фронте. Представитель верховного командования при штабе киевской группы немецких войск полковник барон фон Штольценберг телеграфировал 9 марта главнокомандующему Восточным фронтом: «Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооружёнными выступлениями против наших войск, продолжает расти. Наши войска предоставлены исключительно самим себе и вынуждены защищать свою жизнь, несмотря на то что находятся в стране, с которой заключён мир. Следует учесть для дальнейших операций, что в связи с создавшимся положением в любой момент могут возникнуть открытые военные столкновения хотя бы и в форме партизанской войны»⁵⁸.

Тот же барон Штольценберг категорически заявлял: «Имеющиеся в наличии войска недостаточны как по своему личному составу, так и по вооружению. Для продолжения операций необходимы дополнительные части»⁵⁹.

Начальник штаба германских оккупационных войск на Украине генерал Гренер скоро убедился в том, что операции на Востоке требуют огромное количество войск, столь необходимое Германии на Западе. Австрийский посол Форгач передавал, что этот генерал «очень озабочен тем, что предпринятие, затеянное довольно бесплано, при-

⁵⁶ Людендорф. Указ. соч., стр. 157.

⁵⁷ Там же, стр. 158.

⁵⁸ «Документы...», стр. 16.

⁵⁹ «Крах германской оккупации», стр. 24.

нимают всё более широкие размеры и требует всё большего количества войск»⁶⁰.

Такую же оценку событий, сопровождавшуюся требованиями присылки подкреплений, давали австрийцы. 4 апреля уполномоченный австрийского министерства иностранных дел Траутмансдорф доносил из Киева в Вену: «Единственный путь для того, чтобы в ближайшее время захватить в наши руки богатые запасы страны, — это вступление сильных военных корпусов на Украину. С немецкой стороны, повидимому, уже осознали это положение, и против Украины должно было прибыть подкрепление (две дивизии)»⁶¹. Эти две дивизии были переброшены в апреле 1918 г. на Украину.

Не только в иностранной, но и в советской исторической литературе совершенно не упоминается факт переброски германских дивизий с Запада на Восток накануне решающего наступления во Франции. Между тем этот факт признаёт в своих показаниях генерал Куль, который говорит о переброске в конце 1917 г. шести германских дивизий с Запада на Восток⁶². В историческом документе эпохи — манифесте центрального исполнительного комитета советов Украины — со всей определённою было заявлено: «Вильгельм снял с Западного фронта баварский корпус и бросил своих янычар на измученный долгой борьбой украинский народ»⁶³.

К концу марта, когда на Западе, во Франции, развернулись гигантские сражения, немцы не только не добились ликвидации фронта против Советской России, но напряжённость военного положения на Востоке ещё более возросла, чем в середине марта.

26 марта штаб главнокомандующего войсками южных советских республик сообщил: «У Полтавы наши войска успешно продвигаются в районе Ерески. Немцы бегут, оставляя на месте свои запасы, инвентарь и подвижной состав. В районе Кременчуга после упорного боя нашим войскам удалось переправиться через реку Псел и занять Потюки. Бой продолжается, настроение войск бодрое»⁶⁴. В этом же сообщении говорилось, что отряд Красной Армии, сформированный из остатков Днестровского полка и крестьян села Новая Прага, окружил 25 марта в районе Звенигородка немецкие войска и перебил до полуторы тысячи немецких солдат и офицеров.

Сознание огромной опасности, угрожавшей жизненным центрам Советской республики, по мере дальнейшего продвижения немцев во много раз усиливало сопротивление советского народа. Штаб Западного фронта 27 марта сообщил в Москву: «Всё время штабы фронта и армии ведут безустали дело обороны подступов к Брянску, сознавая, что падение Брянска — падение Москвы. С полным сознанием сделанного большого дела можно сказать, что Брянск обеспечен от немцев»⁶⁵.

На Украине Гренер вскоре пришёл к выводу, что оккупация Украины без Донбасса неосуществима. «Оккупация эта, — писал он, — должна быть проведена и потребует значительного количества австро-венгерских и германских войск, так как не исключена возможность продолжительных боёв с казаками и великорусскими элементами»⁶⁶.

Бои за Донбасс носили особенно упорный характер. Сдерживая натиск германских войск, советы Донбасса и Центральный штаб советских отрядов, оборонявших Донбасс, планомерно проводили

⁶⁰ «Крах германской оккупации», стр. 26.

⁶¹ Архив секретариата редакции ИГВ. Материалы V тома.

⁶² Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 24. Эти шесть дивизий входят в число 53 германских дивизий, находившихся на Востоке в марте 1918 года.

⁶³ «Документы...», стр. 55.

⁶⁴ Там же, стр. 39.

⁶⁵ Там же, стр. 46.

⁶⁶ «Крах германской оккупации», стр. 26.

эвакуацию оружия, хлеба, всех ценностей. В телеграмме от 4 апреля 1918 г. Центральный штаб Красной Армии Донецкого бассейна предлагал всем советам и ревкомам «немедленно приступить к эвакуации запасов оружия и хлебных грузов; не медля ни одного дня, эвакуировать банки, казначейства, почтовые ценности. В тех городах и посёлках, где имеются частные типографии и бумага, объявить их собственностью Советской республики и также немедленно приступить к эвакуации»⁶⁷. Все эвакуированные грузы Центральный штаб предлагал направлять главным образом по маршруту Дебальцево—Зверево—Царицын.

3 апреля оперативные сводки сообщили о захвате немцами Ворожбы, Пятихатки, Долинской, Долгинцева. Германские войска рвались к югу от Екатеринослава, к Кривому Рогу, но движение немцев замедлялось упорным сопротивлением советских отрядов. Сильные бои развернулись у Богодухова и Мерефы⁶⁸.

Отступая на одном участке, советские войска неожиданно для немцев переходили в наступление на других участках фронта. 8 апреля немцы захватили Харьков, но в это же время советские войска приняли наступление на Екатеринослав и Синельниково⁶⁹. Гибкая тактика советских войск распыляла ударные немецкие войска, изматывала силы противника. К середине апреля эта тактика принесла советским войскам серьёзные успехи. Официальное сообщение Верховного главнокомандующего советских войск на юге 18 апреля отмечало: «В направлении на Купянск наши отряды перешли в наступление и заняли ст. Берестовая; в направлении на Лозовую наши части перешли в энергичное наступление, захватив... 200 пленных и заняли станцию ст. Рербург, Барвенков... ведя ночной бой, наши части неудержимо продолжают наступление, тесня отступающего противника на фронте протяжением 60 вёрст, в направлении на Синельниково наши части остановили атаки противника и сами перешли в наступление»⁷⁰.

Успехи советских войск на ряде участков фронта вынудили немцев к чрезвычайной осторожности на других участках. Так, на Валуйском направлении немцы собрали крупные силы пехоты, кавалерии, артиллерии. Однако все попытки немцев наступать на юго-восток от Валук не имели успеха — лобовые удары германских войск на Валуйки также были отражены. Донесение командования советских отрядов под Валуйками, посланное товарищу Сталину, гласило: «Немец наступает очень трусливо... Уклоняться ли от боя или самим перейти в наступление? Наши силы с каждым днём всё крепнут, так как крестьяне, старые солдаты фронтовой полосы, усиленно вступают в наши части... Кроме того в подкрепление поступает формирование из Воронежа и из тыла»⁷¹.

Положение советских войск, оборонявших Донбасс, ухудшилось, когда усиленные немецкие дивизии захватили Славянск, Бердянск и стали обходить Сватово. В ночь на 22 апреля Совет народных комиссаров, рассмотрев данные о положении в Донбассе, постановил: «Предложить Военному Комиссариату принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, особенно на станции Чертково, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом. О деталях переговорить со Сталиным»⁷².

⁶⁷ Центральный архив революции УССР. Харьков. (ЦАР УССР), фонд исполкома Гришинского райсовета, д. № 5, л. 159.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 130, д. № 124, л. 5.

⁶⁹ «Правда» от 14 апреля 1918 года. Сообщение штаба главнокомандующего южными армиями.

⁷⁰ ЦАКА, д. № 119—845, л. 7.

⁷¹ Там же, л. 10.

⁷² Ленинский сборник. Т. XVIII, стр. 63.

Всю вторую половину апреля и начало мая 1918 г. продолжались ожесточённые бои за Донбасс.. На продвижение в Донбассе немцы затратили столько же времени, сколько на оккупацию всей остальной Украины. Они пытались двигаться дальше, на восток от Харьковской губернии, но встретили столь решительное сопротивление, что вынуждены были отказаться от своих планов.

Подводя итоги немецкому наступлению в феврале—апреле 1918 г., Ленин подчеркнул, что положение Германии на Западе крайне обострилось «в связи с завоеванием Украины, в связи с тем положением, которое часто немецкие империалисты, особенно главная военная партия, рисовала себе так розово, так легко, и которое принесло неимоверные трудности именно этой крайней военной партии»⁷³.

Таким образом, вооружённая борьба Красной Армии против немецких оккупантов уже на первом этапе своего развития свидетельствовала, что Людендорфу и Гофману не удалось, а впредь и тем более не удастся ликвидировать Восточный фронт. Так как в ходе мировой войны 1914—1918 гг. вопрос о втором фронте был центральным, то естественно, что события на Украине, в Белоруссии и на других оккупированных территориях приобрели не только общерусское, но и общемировое значение. «Там, на Украине, завязывается теперь основной узел всей международной современности»⁷⁴, — писал Сталин.

В конце апреля 1918 г. германское командование на Украине совершило государственный переворот, свергнув правительство мелкобуржуазной Центральной Рады и поставив у власти буржуазно-помещичье правительство гетмана Скоропадского. Это событие интересует нас прежде всего с точки зрения того влияния, которое оно оказало на военное положение Германии на Восточном и Западном фронтах. В докладе на заседании Моссовета 14 мая Ленин обратил внимание именно на эту сторону дела: «Военная партия, обязавшись... завоевать Украину, дать высшие победы на Западе, увидела невероятные экономические и политические трудности, отвлечение военных сил на задачи, которые отодвигаются вдале, как и задачи на Западе, необходимость для получения хлеба произвести государственный переворот»⁷⁵.

Таким образом, на восточных рубежах Украины и Белоруссии части Красной Армии остановили противника и не пустили его в глубь России.

Какое же влияние оказала борьба советского народа с германскими оккупантами в феврале—марте 1918 г. на положение на Западном фронте мировой войны?

«Дневник войны показывает, — пишет Ллойд-Джордж, — что с конца декабря 1917 до середины марта 1918 г. на Западном фронте совершенно прекратились даже самые незначительные боевые операции. Это был самый длинный период передышки за последние два года»⁷⁶. Ллойд-Джордж не задаётся вопросом о причинах столь длительной передышки. Дело, конечно, объяснялось не только тем, что в это время немцы готовились к большому наступлению на Западном фронте, накапливали силы и потому бездействовали. Суть дела в том, что германское командование с середины февраля начало крупные наступательные операции на Восточном фронте.

В чём была причина первоначальных успехов германских войск во время мартовского наступления 1918 года? Некоторые историки склонны видеть главную причину в том, что немцы к марту 1918 г. перебросили крупные силы с Востока на Запад. Это объяснение весьма далеко от правды. В действительности, как это признают и Ллойд-Джордж и

⁷³ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 10.

⁷⁴ И. Сталин. Соч. Т. IV, стр. 48.

⁷⁵ «Правда» от 16 мая 1918 года.

⁷⁶ Ллойд-Джордж. Указ. соч., Т. V, стр. 322.

составитель английской «Официальной истории» генерал Эдмондс, одной из причин было то, что участок, занимаемый английской армией, совершенно не был подготовлен к обороне: «Когда наступление началось, выяснилось, что состояние... оборонительных сооружений не позволяет ни оказать сопротивление, ни задержать наступающие германские войска»⁷⁷. Это подтверждает также отчёт английского генерального штаба, посланный 12 марта 1918 г. военному министерству: «Передовая линия и зоны боёв были частично ограждены проволочными заграждениями; было также положено начало подготовке отдельных местностей к обороне, но остальная часть главной линии обороны в зоне аррьергарда была еле-еле укреплена»⁷⁸. Это же отмечают и германские историки. «Ссылаются на то, что мы были очень близки к победе именно у Амьена,— пишет Дельбрюк,— но неверно утверждение, что лишь неблагоприятные случайности помешали нам одержать настоящую, полную победу. Наоборот, непостижимость ошибки противника, которую никак нельзя было ожидать, дала нам... возможность, несмотря на ошибки нашего собственного плана сражения, так близко подойти к победе»⁷⁹.

Таким образом, даже немецкие историки видят причину частичных успехов германских войск не в переброске войск с Востока на Запад и не в искусстве Людендорфа, а в ошибках союзного командования.

Ещё яснее встаёт перед нами вся несостоятельность довода о перебросках германских войск с Востока на Запад как главной причины мартовских успехов немцев при анализе соотношения сил к началу мартовских боёв 1918 года.

По данным французского историка Ларше, использовавшего материалы венского и берлинского архивов, немцы в марте 1918 г. сосредоточили на Западном фронте от 187 до 193 дивизий против 177 французских и английских дивизий⁸⁰. Русский историк Зайончковский полагает эти данные несколько преувеличенными и определяет число германских дивизий на Западном фронте в марте в 181 дивизию, соглашаясь с тем, что французских и английских дивизий было 177. Однако численность отдельной немецкой дивизии была значительно меньше, нежели англо-французских. «Мы обладали,— признаёт Куль, говоря о положении весной 1918 г.,— довольно значительным превосходством по числу дивизий, но далеко не по общей численности бойцов»⁸¹.

Таким образом, после всех перебросок германских войск (с января по март 1918 г. немцы перебросили с Востока на Запад 15 дивизий) немцы не достигли количественного превосходства на Западном фронте.

Верно ли, что германское командование на Западном фронте сконцентрировало лучшие свои силы, оставив на Востоке небоеспособные дивизии? Английский фельдмаршал Хейг опровергает эту точку зрения. Ещё в октябре 1917 г. он считал, что к началу кампании 1918 г. Германия сосредоточит на Западе 179 дивизий. Из них, писал Хейг, «19 германских дивизий имеют низкие боевые качества; они годны только для обороны на спокойных фронтах. 135 из оставшихся дивизий уже потеряли крупные поражения в этом году... Таким образом,— заключал английский фельдмаршал,— из 179 германских дивизий ценность, по крайней мере, 154 (135 + 19) должна быть значительно снижена»⁸².

Фельдмаршал Хейг довольно точно определил количество германских дивизий на Западе. Качественная характеристика дивизий, данная им, тоже достаточно убедительна. Правда, в вопросе о качественной характеристике немецких войск военные историки обычно ссылаются на ут-

⁷⁷ Ллойд-Джордж. Указ. соч. Т. V, стр. 198.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 215.

⁸⁰ Larcher. Op. cit., p. 197. tab. № 1.

⁸¹ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 27.

⁸² Ллойд-Джордж. Указ. соч. Т. V, стр. 102—103.

верждения Людендорфа и других представителей германского командования, которые неоднократно заявляли, что солдаты на Восточном фронте были небоеспособны, так как состояли главным образом из старших возрастов, старше 35 лет. Но эти заявления не соответствуют действительности.

В своём стремлении во что бы то ни стало сохранить то, что было захвачено на Востоке, германский генералитет вынужден был закрывать глаза на ослабление Западного фронта. В октябре 1918 г. верховное германское командование проектировало переброску 150 тыс. солдат призыва 1899 г. на Восточный фронт с тем, чтобы такое же количество бойцов в возрасте 20—35 лет было переброшено с Русского фронта на Запад. Командование Восточным фронтом опротестовало этот проект и добилося того, чтобы количество солдат, подлежащих замене, было снижено до 100 тысяч. Для того, чтобы сохранить миллионную германскую армию на Востоке и не дать ни одного солдата на Запад, Людендорф не стеснялся прибегнуть к самой беззастенчивой лжи.

Мартовское наступление на Западном фронте в первые дни принесло немцам крупные успехи. Германской армии в течение двух недель мартовского наступления удалось прорвать фронт союзных войск, захватить 975 орудий и причинить урон союзникам более чем в 188 тыс. человек. Однако стратегическая цель не была достигнута: Амьен не был захвачен, вбить клин между английскими и французскими войсками не удалось.

Если слабая подготовка оборонительных рубежей союзников предопределила известный тактический успех германского мартовского наступления 1918 г., то отсутствие достаточных сил для того, чтобы закрепить и расширить этот успех, объясняет оперативный провал столь удачно начавшегося наступления.

Силы, необходимые германскому командованию для развития успеха на Западе, были скованы изнурительными боями в лесах и степях Украины, в болотах Белоруссии, в Финляндии и Прибалтике. Между тем германские милитаристы, несмотря на тяжёлую обстановку, создавшуюся после неудачи мартовского наступления на Западе, продолжали продвигаться на северном и южном флангах Восточного фронта, стремясь захватить Финляндию и Кавказ.

В середине февраля 1918 г. в Финляндию были отправлены немецкие войска, переодетые в штатское платье. Тогда же были сформированы Аландский отряд и Балтийская дивизия под командованием фон дер Гольца. В марте и апреле эти войска приняли участие в подавлении революции в Финляндии. Как отмечает Куль, верховное командование придавало этой операции особое значение, «чтобы ввиду ненадёжного положения в России, получить возможность оказывать давление на Петербург по обе стороны Финского залива»⁸³. Таким образом, как во время, так и после весеннего наступления на Западном фронте, когда германское командование остро ощущало здесь нехватку резервов, на Востоке сфера военных операций расширялась и в дело вводились лучшие отборные части.

В конце мая — начале июня 1918 г. немцы ввели свои войска в Грузию. Германское командование заключило конвенцию с грузинскими меньшевиками, по которой железные дороги Грузии переходили в собственность германской империи. Для охраны железных дорог понадобились дополнительные войска. Германское командование взяло под свой контроль черноморский порт Поти.

Когда немцы, казалось, достигли ближайшей цели — захватили Украину и Белоруссию, Крым и Кавказ, когда они, казалось, могли, наконец, рассчитывать на «мирное» освоение захваченных территорий развернулась затяжная «малая» война.

⁸³ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 50.

Первое крупное восстание против немцев произошло в марте 1918 г. в Херсоне. Восставшие рабочие вместе с солдатами-фронтовиками изгнали оккупантов из Херсона. Восстание носило подлинно всенародный характер⁸⁴. Это восстание заставило германское командование, во изменение первоначальных планов, стягивать к Херсону свежие силы. После двух недель сражения у стен города, 5 апреля 1918 г. германским войскам снова удалось захватить Херсон. Так же героически дрались рабочие и солдаты, защищавшие Николаев. Заняв город, немцы начали массовые расстрелы. Через несколько дней в Николаеве вспыхнуло восстание. Каждый дом восставшие превратили в крепость. Живыми повстанцы не сдавались.

Мартовские восстания в Херсоне и Николаеве имели огромное значение не только как сигнал к дальнейшей повстанческой борьбе в тылу наступающих немецких войск. Особенно велико их значение в деле срыва германских планов быстрого захвата Донбасса. Из херсонских и николаевских повстанцев выросли кадры руководителей партизанской войны. В этих боях сформировались отряды Мокроусова, Киквидзе и др.

В апреле на оккупированной территории не произошло крупных вооружённых выступлений партизанских отрядов. Обескровленные неравной борьбой, красновардейские отряды и части Красной Армии рассыпались по лесам и болотам, вернулись в сёла, собирались с силами. Однако и в апреле на Восточном фронте не было полного затишья. Бои продолжались в Донбассе, на Северном Кавказе, в Финляндии.

Между тем продовольственный кризис в Германии и Австро-Венгрии принимал в это время наиболее острые формы. 19 апреля 1918 г., на заседании хозяйственного управления Германии, государственный секретарь военно-продовольственного управления фон Вальдов нарисовал мрачную картину продовольственного положения центральных держав. Фон Вальдов заявил, что если до середины июня он не получит 100 тыс. тонн хлеба, то не сможет снабдить армию⁸⁵. Помощник государственного секретаря фон Браун, вернувшийся из «умиротворённой» Украины, заявил, что сбор хлеба на Украине возможен только при «деятельной помощи войск». Генерал Гренер тут же сообщил, что имеющихся на Востоке войск нехватит для выполнения этой задачи⁸⁶. «Те войска, которые имеются, кроме продолжения операций, смогут охранять лишь крупные города и железнодорожную сеть»,⁸⁷ — говорил Гренер. Таким образом, более 60 дивизий, австрийских и немецких, находившихся в апреле на Восточном фронте и продолжавших, как признаёт Гренер, военные операции, были недостаточны, чтобы обеспечить выкачивание продовольствия и сырья. «Состояние транспорта, — отмечает фон Куль, — ещё более запутывало вопрос о снабжении из Украины. Из заявления германского генерал-квартирмейстера, генерала фон Арц, от 21 апреля, вытекает, что отправка и доставка хлеба державам Центральной Европы зависели от своевременного снабжения достаточным количеством угля железных дорог и пароходного сообщения по Чёрному морю. Половину всей потребности в угле должна была покрыть Австрия, ибо на её долю приходилась половина всех поставок хлеба. Но ввиду того, что Австро-Венгрия не была в состоянии доставить уголь, всё количество угля должна была дать Германия. Необходимое для этого увеличение добычи угля требовало увеличения числа рабочих, а этого Германия добиться не могла»⁸⁸.

⁸⁴ «Документы...», стр. 46—47.

⁸⁵ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 42.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

Куль признаёт, что в течение июня и июля Украина давала всё меньше и меньше продовольствия. Поэтому 28 июля 1918 г. государственный секретарь военно-продовольственного управления счёл себя вынужденным обратиться с письмом к начальнику штаба действующей армии, в котором просил: «Взвесить, возможно ли, учитывая важность получения хлеба с Украины, увеличение численности войск на Украине. Если это немыслимо, возможно ли осуществить поскорее стягивание войск в определённых, заранее намеченных районах»⁸⁹. Таким образом, в самый напряжённый для германской армии момент от её командования требовали переброски войск с Запада на Восток. Австрийский фельдмаршал Лангер сообщал в Вену, что на Украине можно получить хлеб, если бы «достаточное количество войск прибыло бы в страну»⁹⁰. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин вынужден был заявить, что войска будут даны: «От четырёх до пяти дивизий должно прибыть на Украину»⁹¹.

Создавался порочный круг: для ведения успешных операций на Западном фронте нужно было сосредоточение всех сил на Западе и мобилизация продовольственных ресурсов. Попытки же получить эти ресурсы на Украине приводили к распылению сил и в то же время не давали решения продовольственной проблемы. Больше того: авантюра на Востоке обостряла и без того сложные проблемы внутри Австрии и Германии — проблемы рабочей силы и топлива.

По подсчётам Дельбрюка, Германия (без Австрии) получила на Украине 3750 вагонов хлеба. «Если считать, что в вагоне 200 центнеров, это составляет 75 млн. фунтов хлеба, т. е. при населении в 67 миллионов около одного фунта хлеба на человека. Вместе с другими предметами продовольствия получается немного меньше четырёх фунтов на душу населения»⁹². Итак, четыре фунта продовольствия на каждого немца — вот результат продовольственной кампании на Украине!

В мае—августе 1918 г. в тылу германской армии на Востоке вновь развернулись крупные сражения. Оккупанты не в силах были бороться с постоянно растущим сопротивлением народных масс, не в силах были растоптать пламя народной войны.

В мае 1918 г. крупные восстания против оккупантов вспыхнули в северных уездах Полтавской губ., в Купянском уезде, Харьковской губ., Дубенском и Чигиринском уездах, Киевской губернии. Восстания обнаружили исключительную стойкость, упорство и организованность повстанцев. Немцы должны были убедиться, что «малая война» отнимает у них возможность свободно маневрировать своими резервами. Оккупанты вынуждены были признавать размах партизанской войны и опасность, создающуюся для немецких войск в результате роста партизанской борьбы. «По определению германских офицеров, — писал в мае 1918 г. лубенский гетманский староста, — гражданская война в наших краях принимает формы хорошо организованной партизанской войны... Партизанская форма гражданской войны наиболее опасная для всякой власти»⁹³.

В заявлении советского посла в Берлине 6 июня 1918 г. указывалось, что германское командование сосредоточило войска для наступления на Новороссийск, ведёт сражения с советскими отрядами под Батайском, ведёт наступление большими силами в Воронежской губернии на Валуйки, в Витебской губернии, в районе Себежа, и Ямбургском районе, у Чудского озера; пытается продвинуться в глубь русской территории. Германские подводные лодки, указывал советский посол, блокировали побе-

⁸⁹ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 45.

⁹⁰ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 35.

⁹¹ Там же.

⁹² Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 216.

⁹³ «Документы...», стр. 92.

режье Ледовитого океана и Белого моря. «Все вышеприведённые факты находятся в резком противоречии с постоянными утверждениями германского правительства, что Германия находится в состоянии мира с Россией»⁹⁴, — говорилось в этом документе.

В начале июня немцы предприняли несколько попыток перейти демаркационную линию и развернуть наступление на Царицын. Народный комиссар иностранных дел тов. Чичерин сообщал 11 июня советскому послу в Берлине, что немцы ведут наступление «от Ростовской железной дороги на Воронеж. На царицынском фронте они двинулись на станцию Содонки. Вверх реки Кумылга они двинулись на станцию Кумылга, это попытка разрыва Поворинно-Царицынской железной дороги»⁹⁵.

Таким образом, видно, что и в июне немцы всё ещё продолжали расширять фронт активных военных операций, всё глубже и серьёзнее втягиваясь в тяжёлую борьбу на Востоке. При этом нужно учесть, что историческая битва за Царицын была битвой советских войск с германским империализмом, так же как поражение Краснова, нанесённое Красной Армией под руководством Сталина, являлось поражением германского командования, его планов похода на Москву, его расчётов на Востоке.

В июне 1918 г. вооружённая борьба с оккупантами усиливается. «Непрерывно происходят волнения, связанные с боями»⁹⁶ — телеграфировал 9 июня австрийский посол в Киеве — Форгач. Крупные бои повстанцев с оккупантами в начале июня происходили под Таганрогом и в Херсонской губернии. Отряды рабочих и кубанских партизан на мелких судах приблизились к Таганрогу и при помощи местных крестьян высадили крупный десант. Немецкие войска в Таганроге не решались выступить против высадившихся советских отрядов. Только через день, когда к Таганрогу был стянут свежий корпус германских войск, оккупанты попытались опрокинуть повстанческий десант в море. Но повстанцы отражали атаки немцев. Пять дней держались десантные отряды во вражеском окружении. И только когда кончились патроны, партизаны начали медленно отступать. Больше половины безоружных повстанцев были расстреляны немцами из пулемётов. Две тысячи повстанцев переправились на лодках и мелких судах на Кубань.

Силы оккупантов на Украине в июне 1918 г., как признаёт австрийский посол Форгач, оказались недостаточными. Крайне необходима была дополнительная переброска войск. Между тем именно в это время ощущалась резкая потребность в пополнении поредевших резервов на Западном фронте, во Франции. Количество немецких дивизий, находившихся в резерве на Западном фронте, по данным Ларше, уменьшилось с 57 в мае до 16 в июне⁹⁷. При этих условиях ни в мае, ни в июне германскому командованию не удалось перебросить ни одной дивизии с Востока на Запад. Больше того, как видно из разведывательных данных советского командования, в июне происходила переброска германских войск из Франции на Восток. «Началась переброска разбитых полков с французского фронта»⁹⁸, — говорится в разведывательной сводке. Это значит, что германское командование вынуждено было, не предоставляя солдатам отдыха, перебрасывать войска на Восток для подавления июньских восстаний на Украине и в Белоруссии.

Ощущая острый недостаток войск, оккупанты концентрировали свои силы вокруг крупных центров. По этим же разведывательным данным вид-

⁹⁴ «Внешняя политика СССР». Т. I, стр. 89—90. М. 1944.

⁹⁵ «Голос революции» от 13 июня 1918 г.— орган Курского губисполкома советов.

⁹⁶ «Документы...», стр. 144.

⁹⁷ Lagoneg. Op. cit., p. 196, tab. № 1.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, л. № 4, л. 41—42.

но, что из Сум в Киев были переброшены 427, 237, 224-й пехотные полки⁹⁹.

В июньские дни 1918 г. началось одно из наиболее крупных восстаний на Украине — в Звенигородском уезде. 9 июня повстанцы захватили Звенигородку. Находившийся в это время в Звенигородке германский батальон сложил оружие и сдался восставшим. Это был первый случай массовой сдачи германских солдат в плен. Это известие потрясло немецкое командование, что видно хотя бы из того факта, что отказ германского батальона сражаться с восставшими крестьянами хранился в строгом секрете даже от союзников-австрийцев. «Конфиденциально узнал,— телеграфировал в Вену австрийский посол Форгач,— что находящиеся здесь более старые германские войска в этих тяжёлых боях не всегда оправдывали себя и будто бы выражали неудовольствие по поводу того, что они должны сражаться за гетмана и против народа»¹⁰⁰. Эпизод с германским батальоном в Звенигородке был грозным предостережением для оккупантов. До этого ещё не было случая сдачи в плен партизанам целой германской части. Сдача оружия крестьянам батальоном германских солдат свидетельствовала о серьёзных процессах разложения германской армии.

Несколько позже Людендорф расценил отказ немецких солдат пойти в атаку, как самое злое предзнаменование близкой катастрофы. Но то, что на Западе произошло в августе, на Востоке случилось уже в июне. Выводы из июньских событий на Востоке немецким генералам помешала сделать их прусская самоуверенность.

В середине июня немцам удалось захватить Звенигородку, но вскоре в уезде снова вспыхнуло восстание. Центром его было село Лисянки, Звенигородского уезда. Повстанцы заняли сёла Ольховец, Озирна, Поправка, Рижановка и др. Из Камигорки на помощь звенигородцам двигались крестьяне Херсонской губернии. В это же время развернулось восстание в соседнем с Звенигородкой Таращанском уезде, Киевской губернии. Повстанцы заняли почти весь уезд и свободно общались с Уманским, Звенигородским и Липовецким уездами. «Повстанцы занимают значительную территорию, — доносил гетманский староста Киева 18 июля,— располагают полной свободой действий для организации вооружения и пополнения, словом, владеют базой, откуда могут весьма серьёзно угрожать государственному порядку»¹⁰¹. Оккупантам понадобилось два месяца, чтобы на время подавить восстание. Под натиском германских войск таращанцы переправлялись через Днепр, уходили в Полтавскую губернию и затем пробивались к «нейтральной зоне», где формировались повстанческие дивизии. Части отряда таращанских повстанцев составили ядро Таращанского полка, который под командованием Василия Боженко прославился в боях с оккупантами.

Летом 1918 г. восстания охватили Екатеринославщину и Подолию. Форгач с тревогой сообщал в Берлин и Вену, что «условия безопасности в деревнях значительно ухудшились»¹⁰². Но главное, что тревожно отмечал в своей телеграмме австрийский посол в Киеве, — это необходимость для германских и австрийских войск «непрерывно вести обременительные бои, иногда связанные со значительными потерями»¹⁰³.

В июле 1918 г. на борьбу поднялись железнодорожники Украины. По призыву стачечного комитета все железные дороги Украины остановились. Оккупанты не могли ни перебрасывать войск для борьбы с повстанцами, ни вывозить награбленный хлеб. Германские солдаты заняли все

⁹⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 4, л. 41—42.

¹⁰⁰ «Документы...», стр. 148.

¹⁰¹ Там же, стр. 152.

¹⁰² ЦАР УССР, ф. министерства иностранных дел (МИД), отдельные документы, телеграмма Форгача от 25 июня 1918 года.

¹⁰³ Там же.

станции и силой пытались заставить железнодорожников работать. Но сломить стачку не удавалось.

Борьба железнодорожников и рабочих Донбасса лишила оккупантов угля. За полгода (март—август) из Германии на Украину было ввезено 13 830 вагонов угля.

Не успели ещё оккупанты оправиться от железнодорожной забастовки, как разразилось восстание в Черниговской и Полтавской губерниях. Восстание на первом этапе носило ограниченный, местный характер, но вскоре распространилось на Подольскую, Киевскую, Херсонскую и другие губернии. 11 августа съезд ревкомов и повстанческих штабов Киевской губернии обратился к рабочим и крестьянам Украины с воззванием поддержать восстание на Черниговщине и Полтавщине. «Повстанцам нужно немедленно рвать провода неприятельские, уничтожать неприятельские отряды, захватывать скотину, оружие, провиант, создать дружную и мощную армию и двинуться на Киев»¹⁰⁴, — призывал Киевский съезд повстанческих ревкомов.

В знак поддержки восставшего крестьянства 11 августа забастовали шахтёры Донбасса и Криворожья. 14 августа началось восстание крестьян в Подольской губернии.

Германская печать в середине августа опровергала сообщение о восстании 200 тыс. крестьян, но тут же вынуждена была признать, что с крестьянами не легко справиться, так как при преследовании они убегают в леса или превращаются в мирных крестьян.

В Киеве оккупанты были охвачены паникой. Послы Австрии и Германии жаловались, что на Украине не существует «личной безопасности». «Барон фон Мумм... чрезвычайно расстроен» — сообщал 13 августа в Вену Форгац, — так как он против своей воли вынужден был переселиться в оцепленный войсками район, где живёт главное командование. Из этого района выселено всё гражданское население. В целях безопасности барон фон Мумм вынужден сильно ограничить своё передвижение и усилить охрану»¹⁰⁵. Так «завоеватели» превращались в затравленных зверей.

Таким образом, партизанская война на Украине сорвала планы германских оккупантов. Германские империалисты предполагали, что оккупация Украины, Белоруссии и Кавказа приведёт к полной ликвидации Восточного фронта.

Однако и после заключения Брестского договора Украина, Белоруссия, Кавказ оставались незавоёванными территориями. Охваченные огнём восстания, эти районы всё ещё приковывали к себе в августе 53 немецкие и австрийские дивизии¹⁰⁶.

Месяцы	Восточный фронт			Западный фронт	
	герман. дивизий	австр. дивизий	Всего	колич. дивизий	из них в резерве
Январь	61	33	94	173	34
Февраль	56	31	87	178	47
Март	45	26	71	187	83
Апрель	38	23	61	199	15
Май	36	19	55	200	57
Июнь	36	17	53	199	30
Июль	36	17	53	194	61
Август	36	15	51	180	38
Сентябрь	36	12	48	179	32
Октябрь	31	11	42	179	8

¹⁰⁴ «Документы...», стр. 5.

¹⁰⁵ Там же, стр. 175.

¹⁰⁶ L a r c h e r. Op. cit., p. 198, 200, tab. № 2, 3.

На основании данных французского историка Ларше, использовавшего австрийские, немецкие и французские архивные материалы, и сводных данных Зайончковского, Куля и Дельбрюка, распределение австро-германских сил на Восточном и Западном фронтах в 1918 г. представляется в следующем виде: (см. таблицу на 79 стран.)

Возьмём кульминационные пункты развёртывания военных операций на Западном фронте. Таких высших точек, связанных с развёртыванием германских наступлений, можно отметить четыре: 21 марта, 9 апреля, 27 мая, 15 июля. Посмотрим, как в эти критические моменты были распределены силы между Западом и Востоком:

1918 г.	Во Франции дивизий	Из них в резерве	В России дивизий
Февраль	178	47	87
Март	187	83	71
Апрель	199	15	61
Май	200	57	55
Июнь	199	30	53
Июль	194	61	53

Таким образом, накануне решающего мартовского наступления германское командование всё ещё держало на Востоке 87 немецко-австрийских дивизий. В марте было переброшено с Востока на Запад 10 дивизий, но они не могли оказать какого-либо влияния на ход мартовского наступления, потому что были переброшены слишком поздно. В апреле было переброшено с Востока на Запад ещё 5—6 дивизий, но это произошло опять-таки в момент или даже после апрельского наступления и опять слишком поздно. В мае и июне германское командование не сумело перебросить ни одной дивизии с Востока на Запад, несмотря на подготовку нового, июльского наступления. Наконец, в августе, накануне «чёрного дня», на Востоке всё ещё находилось 53 дивизии, на Западе не прибавилось ни одной свежей части, а резерв упал с 60 до 38 дивизий.

В то время как молодая Красная Армия героически отбивала натиск германских войск, сковывая от 80 до 50 германских и австрийских дивизий, союзники наносили Советской республике удар за ударом, высадив десанты во Владивостоке, Мурманске, снабдив оружием денкинские банды и организуя заговоры в центре республики против советского правительства.

В руководящих кругах Антанты прекрасно разгадали стратегические планы немцев на Востоке. Ясна была также опасность, создаваемая для союзников в случае осуществления этих планов. Однако Черчилль и другие руководители Антанты продолжали свою антисоветскую политику, оказывая этим самым прямую помощь немцам.

Интервенцию против Страны Советов Черчилль прикрывал криками о немецкой опасности на Востоке. В это же время агенты Антанты Алексеев и Деникин вели переговоры со ставленником немцев Красновым о совместных действиях против советских войск. Больше того: через Краснова немцы снабжали добровольческую армию оружием, зная, что это оружие будет использовано агентами Антанты против советских войск.

Майские и июньские восстания на Украине нанесли большой урон интервентам, но не сломили их силы. Июльская стачка железнодорожников уже серьёзно потрясла оккупационные армии. Переброска войск с Восточного фронта на Западный усилила разложение германской армии и приблизила военную катастрофу. 8 августа 1918 г. объединённые

силы Англии и Франции нанесли тяжелейшее поражение германской армии. Августовское поражение показало не только военную слабость германского империализма на Западном фронте, но и один из важнейших источников этой слабости — разделение германских сил между двумя фронтами.

Крушение всех германских планов на Востоке стало очевидным ещё задолго до ноября 1918 года. Оккупанты стали готовиться к эвакуации Украины и Белоруссии ещё за три месяца до развала германской империи. 10 августа главное германское командование обратилось с запросом к командованию Восточного фронта: сколько сил можно перебросить с Восточного фронта на Западный? Командование оккупационных армий в Киеве ответило, что «не может выделить ничего для Западного фронта» из-за риска распространения волнений на более обширной территории. Лишь одна дивизия могла быть освобождена в том случае, если будет эвакуирована Донская область¹⁰⁷.

17 августа австро-венгерский посол в Киеве граф Форгач получил из Вены тревожную телеграмму. Министр иностранных дел предупредил графа, что верховное командование Германии и Австро-Венгрии обсуждает вопрос о необходимости эвакуации германских и австрийских войск с Украины. Министр просил Форгача ответить, как он расценивает последствия такого возможного мероприятия для дальнейшего развития событий на Украине¹⁰⁸.

Австро-германские власти в Киеве, понимая, что оккупации приходит конец, ответили своим правительствам на эту телеграмму с солдатской откровенностью. «В самые ближайшие недели, — писал Форгач министру иностранных дел Буриану, — всеми средствами усилить экспорт, особенно хлеба, чтобы своевременно успеть переправить через границу хоть сколько-нибудь существенное количество»¹⁰⁹. В этом же ответе Форгач развивает иллюзии германской военщины, что части, расположенные на Востоке, могут быть переброшены на Западный фронт.

9 сентября германский министр иностранных дел Гинце снова поставил перед верховным командованием вопрос о возможности переброски войск с Восточного фронта. Но и на этот раз он получил категорический отказ. Германское верховное командование объяснило министру, что никакого ослабления оккупационной армии допустить нельзя, так как речь идёт о существовании германских войск на Востоке.

Но под влиянием поражений на Западе командованию пришлось пойти на переброску войск. С Восточного фронта в августе было снято 5 дивизий и переброшено на Западный фронт. Но сколько-нибудь улучшить военное положение германского империализма на Западе это, конечно, не могло.

Заключение Брестского договора принесло только относительно мирную обстановку для Советской России. Это был не мир, а только передышка, передышка, полная военного напряжения. Советские республики — Украина, Белоруссия, — республики Прибалтики, Северного Кавказа не подписывали мира с Германией, они продолжали войну, получая братскую поддержку Советской России. Вот почему Ленин в мае 1918 г., через два месяца после подписания Брестского договора, говорил: «Война и мир остаются в прежнем положении». Находятся люди, говорил тогда Ленин, которые жалуются на непосильную тяжесть этого состояния неопределённости между войной и миром, которые думают, что выйти из неопределённого положения легко, — надо только потребовать соблюде-

¹⁰⁷ Куль и Дельбрюк. Указ. соч., стр. 39.

¹⁰⁸ «Крах германской оккупации на Украине», стр. 171.

¹⁰⁹ «Документы...», стр. 177.

ния Брестского договора. «Они забывают, что сначала надо победить, а потом можно что-нибудь требовать. Если вы не победили — враг получает возможность затягивать ответ и даже вовсе не отвечать на требования. Таков закон империалистической войны. Вы недовольны этим. Умейте защищать ваше отечество»¹¹⁰.

В работах ряда военных историков мы находим предположение, что если победа Германии вообще была возможна в первой мировой войне, то она была возможна только при условии сосредоточения всех сил на Западном фронте¹¹¹.

Такая постановка вопроса была бы правомерной, если бы немцы действительно могли свободно решать вопрос о сосредоточении сил только на Западе. Но у немцев, навязавших Советской России грабительский «мирный договор», не было такой свободы решения. Начав наступление против Советской России, германское командование вынуждено было держать на Востоке от 87 (февраль 1918 г.) до 42 (октябрь 1918 г.) австро-германских дивизий.

Заклучение Брестского мира и захват огромных территорий на Востоке не привели Германию к решению проблемы войны на двух фронтах. Восточный фронт не был ликвидирован.

Подведём итоги. Февральское решение германского командования (наступление 18 февраля) было продиктовано стремлением избежать необходимость борьбы на два фронта. В основе этого решения лежала уверенность в возможности быстрой и безболезненной ликвидации советской власти и Русского фронта. Но народное сопротивление сорвало планы германского молниеносного наступления. Для захвата Украины, Белоруссии, Прибалтики понадобилось вместо двух недель почти три месяца. Это затягивание военных операций на Востоке, а затем развёртывание «малой войны» в тылу оккупантов предопределило провал весеннего и летнего наступлений немцев на Западном фронте.

Постоянное запаздывание в перебросках войск с Востока на Запад не было результатом ошибок германского командования. Это запаздывание было закономерным последствием существования двух фронтов. «Запаздывание» с переброской сил с Востока было предопределено фактом усиления военных действий на Востоке весной и ещё большего обострения борьбы в июле и августе 1918 года. Таким образом, до сентября германское командование уже потеряло инициативу и действовало под давлением обстоятельств, сложившихся в результате развернувшейся партизанской войны, забастовок и постоянной военной угрозы на «нейтральной зоне».

В то время как на Западе немцы задыхались от отсутствия резервов и дрогнули под ударами войск Антанты, на Востоке на разных этапах находилось от полутора миллионов до 900 тыс. солдат. Необходимость продолжать войну на два фронта, на Западе и Востоке, решила судьбу вильгельмовской империи.

Борьба народных масс Советской России под руководством большевиков против германских захватчиков, приведшая к созданию нового Восточного фронта, явилась одним из факторов, определивших поражение Германии в первой мировой войне.

¹¹⁰ Ленин. Соч., Т. XXIII, стр. 12.

¹¹¹ См. Луазв. Указ. соч., стр. 44.